

Мальченко В.В.,

соискатель кафедры философии, социологии и менеджмента социокультурной деятельности

Южноукраинский педагогический национальный университет имени К.Д. Ушинского

КУЛЬТУРНАЯ ГРАНИЦА В КОНТЕКСТЕ СЛОЖНОСТИ

Аннотация. В статье раскрывается антропологическое содержание концепта культурной границы в контексте сложности. Обосновывается процессуальное понимание культурной границы, которое раскрывает темпоральность культурных пространств. Ставится вопрос о соотношении культурной границы и границ антропологического.

Ключевые слова: граница, культурная граница, сложность, топология, темпоральность, границы антропокультурного.

Актуальность. Наряду с такими проблемами, как границы времени и пространства, науки, сознания, свободы и др., проблема культурной границы занимает особое место в современных исследованиях. Ее осмысление, с одной стороны, связывается с возможностью обнаружения в культуре устойчивых форм и образований, с другой — выявления специфики человеческого существования в «мире без границ».

Понятие культурной границы изначально отсылает к топологии культуры и ассоциируется с множеством культурных пространств, внешних по отношению к определенной культуре, или внутренних, представленными субкультурами. В культуре происходит схождение, соединение различных способов существования человека, и в то же время, культура выделяет и отграничивает уникально—личностные человеческие «миры». Тем самым, с проблемой культурной границы актуализируется и проблема границ субъективности, собственно человеческого.

Выявляется еще один важный аспект проблемы — сам концепт культуры лишен четких смысловых контуров, без обозначения которых, очевидно сложно определить с понятием культурной границы. Требуется прояснение сущности культуры и культурного, что, в свою очередь, предполагает выбор определенной методологической позиции. Нам представляется целесообразным проанализировать обозначенные проблемы с позиции «науки о сложном».

Цель статьи — выявление содержания концепта культурной границы в контексте сложности.

История философия дает многочисленные примеры обращения к понятию границы для осмысления бытия человека и культуры. Граница

выступает в качестве гносеологического принципа, способа понимания и освоения мира. Так, граница как «посредник» рассматривалась Платоном (число как посредничающая граница); как предел — у Плотина (Единое полагает границы множественности); как посредничество и предел — в средневековье (Христос — посредник и Бог — запредельная трансцендентность). В Новое время через понятие границы осмысливается субстанция (как граница мышления и протяженности). И. Кант наделяет понятие границы имманентностью (это радикально имманентное устройство производства смыслов). Г. Гегель рассуждает о границе в контексте толкования самодвижения опыта, качества и количества. Философия жизни, феноменология, философская герменевтика, экзистенциальная философия выделили антропологический аспект понятия границы: линия, принадлежащая телу и среде, и постепенно выявляющая свое собственное (Х. Плеснер); выявляющая собственные смыслы в пограничных ситуациях человека (экзистенциализм); то, что собирает в присутствие (М. Хайдеггер). В постмодернизме понятие границы разрабатывается в контексте таких форм топологии антропологических пространств, как «поверхность», «изнанка», «складка».

В определении концепта границы можно выделить несколько базовых значений:

— «Срединность», «посредничество» границы. Например, у Гегеля — «опосредствование, через которое нечто и иное, и есть, и не есть», «середина между ними, в которой они прекращаются. Они имеют своё наличное бытие по ту сторону друг друга и их границы; граница как небытие каждого из них есть иное обоим» [1, с. 189, 158,].

— «Двойственность», неопределенность. Граница подобна фотону, соединяющему свойства частицы и волны. Она — и разрыв, и точка соединения. Если мы сосредотачиваем внимание на пространстве, граница обозначается точкой, принадлежащей обеим частям континуума. Если на времени — в качестве точки выступает мгновение, некий край прошедшего, за которым нет еще будущего, и, обратно, край будущего, за которым нет уже прошедшего» [2, с. 252].

— Амбивалентность (взаимооборачиваемость). Граница, как «двуликий Янус» — разделяет, от-

личает и соединяет, «соприкасает» одновременно. В этом значении граница существует «для», «между», «от» и т.д. Соответственно, возникают различного рода бинарные оппозиции: «свой — чужой», «дом — чужбина», «связанность — свобода» и др., которые могут меняться местами, претерпевать обращения.

— Контекстуальность, ситуативность. Статус границы относителен, «одновременно с разных позиций граница не только локализуется по-разному, но и является в одних аспектах, с одних позиций условной линией, а с других — безусловной переходной зоной; статус границы заведомо контекстуален» [3].

— Граница мыслится как «переход», «переступание», «преодоление», это барьер, который осознается таковым только при пересечении.

— Фрактальность границы, ее «дробление», «рассеивание» и самоподобие. Граница обнаруживается в уже ограниченном; топология границ целого и его частей подобны.

— Свойства, раскрывающие динамичность, неустойчивость границы: гибридность, трансграничность, интерфейс как «подвижная граница, которая разделяет, соединяя, или различает неразличимое, обозначает необозначаемое» [4, с. 9].

Концепт культурной границы можно рассматривать как философско-культурологические и антропологические интерпретации концепта границы, в которых культура и задает границы, и сама становится граничным феноменом. Возникает множество концептов, раскрывающих двойственность, подвижность культуры и культурных границ: «культурное приграничье», «трансграничье», «лимитроф» (межцивилизационное пространство) и др.

«Пограничность» культуры находит выражение, например, в концепции потенциального культурного пространства — места локализации культурного опыта. Д. Винникот определяет его как «третью область» между субъективным и объективным. В ней происходит и соединение, и разделение людей, которые вносят в нее свое, лично-значимое и берут необходимое. Именно поэтому в культуре возможны игра и творчество [5]. Это свойство культуры выделяет и Р. Шелдрейк в концепции морфогенетического поля, которое определяет «конфигурацию воплощения» [6, 7].

Интересно, что амбивалентность границ культуры по-разному осмысливалась в западной и восточной науке. На западе со свойственным ему антиномичным мышлением и индивидуалистическими тенденциями, внимание акцентировалось на дифференциации, установлении и сохранении границ. Восточный подход стремился элимини-

ровать индивидуальные границы, апеллируя к коллективному «мы» [8].

Культура как граничный феномен осмысливается и через понятие маргинальности и маргинального человека. В работах Э. Стоунквиста и Р. Парка [9, 10] это ключевой субъект в контактах культур, который обнаруживается там и тогда, где и когда из культурных конфликтов появляются новые сообщества. Маргинальный человек существует на границах культур, в нескольких культурных мирах одновременно. Но именно такое существование делает его более свободным, с независимыми и рациональными взглядами.

Человек, находящийся в коммуникации с культурой, пересекая культурные границы, усваивая культурный опыт внутри этих границ, сам становится «ансамблем границ». С.С. Хоружий, рассуждая об антропологической границе, имеет в виду человека в единстве его стратегий, практик и проекций. Он отмечает, что определяющая черта современной антропологической ситуации — влечение к Границе — выражает приближение к ней, активизацию отношений с ней, сразу во всех ее ареалах, и это все не может не толковаться как явный антропологический сдвиг, изменения, происходящие с человеком. «Поэтому наша топика Антропологической Границы — не что иное, как характеристика Человека (рассматриваемого в энергийной проекции, в измерении бытия-действия) через его Границу (также трактуемую энергийно)» [11, с. 130].

Размышления о культурных границах выводят на проблему границ самой культуры, которые парадоксальным образом исчезают, чем больше мы их обнаруживаем внутри культурного пространства. Эта особенность «растворения», «исчезновения» культуры была отмечена М.М. Бахтиным: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [12, с. 282].

Исследуя этимологию слова «культура», обнаруживаем, что в своем исходном значении оно подразумевало границу человеческого мира, ойкумены, внутри которой складывались необходимые условия для сохранения человеческого («рукотворного») в природном («естественном»). Исходные смыслы слова «culture» (от латинского «colo», «colere») — «обрабатывать», «возделывать»; «вращивать»; «обитать», «населять». Латинское

«colere» исследователи связывают с индоевропейским «kuel» — «двигаться», «вращаться», что применительно к человеку означало «находиться в каком-либо месте», а также «колесо», «круг», «горизонт» [13, с. 29–30]. Значение «населять» стало основным, вобравшим в себя и смысл — отграниченный человеческий мир.

Нужно отметить, что у греков, не знавших слова «культура», но отделивших «рукотворный мир» от мира природы (physis), отсутствует их жесткое разграничение, и тем более, противопоставление. В их понимании «номос» встроено в организацию космоса. Он обозначает и границы человеческого, и их устойчивость, как и устойчивость того пространства, которое они очерчивают. Логос и разум для древних греков — не только субъективные достояния человека, они выражают саму природу вещей, сущность упорядоченного мироздания, частью которого является и культура [14, с. 91].

Однако постепенно культурный мир микрокосмоса распадается на части, дифференцируется, внутри него возникают собственные границы, обособляется индивидуальное бытие. В Средневековье «рукотворный мир» становится жизнью «по установлению» Бога, существуя на границе между небесным и земным, «верхом» и «низом», «порядком и хаосом. Граница проходит через человеческую душу, в которой разворачивается битва добра и зла. Человек находится на границе дуального мира, устремленного к Богу, но открытого и для дьявола [14, с. 93, 95].

Дальнейшая дифференциация культурного пространства осуществляется вместе с его индивидуализацией, что приводит к возникновению границ уже между человеком и культурой, а также обнаружению множественности границ «внутри» самого человека. В Новое время границы между человеком и культурой дают о себе знать в нарастающем противоречии между индивидуально-личностным и всеобщим-родовым. Культура отождествляется с объективной, рационально организованной реальностью, в то время как человеческая субъективность все больше движима иррациональными началами.

Уход эпохи модерна ознаменован противопоставлением культуры и жизни (Г. Зиммель), выделением высшей и низшей культуры (Ф. Ницше), разделением бессознательного и рационального (З. Фрейд). Осознается несовпадение границ культурного и антропологического.

Эпоха Постмодерна, осуществляя децентрацию субъекта, растворяет его в ризомных культурных коммуникациях. Культура становится пространством господства множественности, релятивизма, преодолевающих любые ограничения субъек-

тивности. Границы человеческого, «слишком» человеческого, «нечеловеческого» переплетаются, смешиваются, размывая границы культуры. В плюральности культурных контекстов, предоставляющих человеку возможность безграничного и различного самовыражения, происходит «десубъективизация» культуры, она лишается целостного человека как своего «носителя» [14, с. 127]. Вместе со «смертью» субъекта исчезают и целостные, устойчивые формы культуры, задаваемые ее границами.

Современная культурологическая мысль развивает идею «возвращения», «сборки» субъекта. Философско-антропологический и культурологический дискурс призван осмыслить отношения человека и культуры в новых социальных реалиях, обрисовать новые контуры культуры.

Несмотря на существующие концептуальные различия, просматривается общая тенденция в понимании культуры и культурных границ. Культура представлена как процесс: культурогенеза, трансформации культурных форм и систем, реинтерпретации культурных форм, культурной диффузии, аккультурации т.д. с соответствующими этим процессам смещениями и смешениями границ. Такая проблематизация открывает возможности для новых методологических разведок.

Анализ существующих трактовок культурной границы и границ культуры позволяет сделать предварительные выводы:

- возникает необходимость согласования концептуальных позиций, акцентирующих внимание на подвижности, нелокальности культурных границ, с пониманием границы как предела, отделения, устойчивого существования объекта;
- актуализация антропологических аспектов проблемы предполагает концептуальную когерентность в понимании культурных и антропологических границ, границ культуры и границ антропологического;
- исследование процессуальности, онтологической сложности культурной границы требует соответствующих методологических подходов, учитывающих темпоральность культурных пространств. Речь идет об использовании концепта, который размыкает «круговое движение» культурологических поисков, объясняющих культуру через ею же рожденные феномены. Очевидно, такой концепт следует искать «за границами» гуманитарного знания.

Феномен культурной границы и связанные с ним проблемы могут быть осмыслены с позиций теории сложности и с использованием концепта сложности. Возможности такого осмысления видятся в том, что в теории сложности происходит свой «поворот к человеку», на центральное место

выводится понятие субъекта. «Современная наука на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек» [15, с. 55]. Поскольку каждый субъект, взаимодействуя с окружением, осмысливает, интерпретирует его по-своему, реальность становится формой представления бытия субъектов, моделируемой ими реальностью [15, с. 56].

Существующее разнообразие научных трактовок сложности (И. Пригожин, И. Стенгерс, Э. Морен, К. Майнцер, В.С. Степин и др.) дает возможность дополнить их гуманитарными, культурологическими концептуализациями. Концепт сложности выполняет функцию не только гносеологического принципа, но обретает и онтологический статус. Он позволяет осмыслить природу, общество и человека как сложности, определенным (сложным) образом связанные между собой. Такое понимание сложности, в частности, предлагает Э. Морен [16].

В современных трактовках сложности объединяются две основные идеи, на которые мы будем опираться: несмотря на внутренние, разрушающие ее противоречия, сложность проявляет себя как целостность; сложность обладает способностью к самоорганизации, в общем виде понимаемой как способность трансформировать внутренние противоречия в саморазвитие. В определении Э. Морена, «сложность возникает ...одновременно как относительность, соотносительность, разнообразие, несхожесть, двойственность, двусмысленность, неопределенность, антагонизм, и в объединении этих понятий, которые являются по отношению друг к другу дополнительными, конкурирующими и антагонистическими» [16, с. 191].

Концепт сложности позволяет первоначально пойти достаточно традиционным путем — рассматривать культуру и человека как сложности со всеми присущими сложности свойствами. Такой подход предполагает анализ их отношений по принципу «сложное со сложным» или «сложное в сложном» — как взаимодействующих, коммуницирующих сложностей с собственными границами и определенной организацией внутренних пространств. При таком рассмотрении между человеком и культурой возникает дополнительная, конкурентная, антагонистическая связь с соответствующей динамикой границ.

Разворачиваясь «из» и «вместе» с человеком, культура, тем не менее, в онтологическом плане никогда полностью с ним не совпадает. Человек является избыточным по отношению к культуре, актуализированному в культуре, выходит за ее

пределы. Всегда имеет место априорная неактуальность созданного культурного — оно выражает только определенный аспект человеческого. В то же время, культура расширяет пределы антропологического бытия, стимулируя человека к творчеству, реализации свободы, тем самым также не совпадая с человеком, каким он есть «здесь и сейчас». Можно утверждать, что в культуре всегда есть неучтенное человеческое, а в человеке — неучтенное культурное.

Связь человека и культуры осуществляется по принципу рекурсивной петли, который означает, что продукты сами являются причинами того, что их производит. В данном случае это выражается в известной формулировке: человек создает культуру, которая создает человека. Отношения человека и культуры строятся на взаимотворчестве, которое рождает, поддерживает, изменяет антропокультурную реальность.

Поощряя разнообразие индивидуальных форм человеческого существования, культура создает уникальные культурные целостности, устанавливая между ними границы и тем самым продуцируя противоречия. В то же время, культура создает условия для их сосуществования и сотрудничества, функционируя как ценностно—смысловая сложность, предлагая человеку апробированный в истории культурный опыт. Тем самым, антропокультурная реальность является холистической и одновременно распадающейся из—за внутренних противоречий, но именно они, по словам Э. Морена, парадоксальным образом создают ее. В рассматриваемом контексте актуализируется исследование культурных границ, «разрывов», «травм» и других кризисных явлений. Речь идет о различных проявлениях неустойчивости и нестабильности культуры, причем не только в коллективных формах.

С позиций сложности культура представляет собой становящееся коммуникативное пространство с устойчивыми образованиями и «серыми зонами», гибридными формами, тринитарными, неустойчивыми структурами, в которых культурные границы утрачивают жесткие очертания и становятся культурным интерфейсом.

Устанавливая границы, культура «сужает» пространство антропологического, сохраняя его, давая возможность индивидуализироваться. Вместе с тем, только выходя за эти границы, человек способен обновлять себя и культуру, но при этом усиливается риск саморазрушения. И в том, и в другом случае имеет место «разрыв» с культурой, преодолевая который человек оказывается в ситуации антропологической и культурной неопределенности, размытости культурных границ и границ самой культуры.

Если учитывать процессуальность сложного, а именно то, как через взаимодействия человека и культуры происходит их взаимотворчество, просматривается второй аспект отношений человека и культуры. Культура — это сложность, которая возникает, разворачивается из сущностной сложности человека в процессе создания им условий для собственного существования. Культура и создает эти условия, и является этими условиями.

В таком онтологическом контексте проясняется сущность и назначение культурных границ. Они по-разному функционируют, в зависимости от конфигурации, модели отношений культуры и человека: могут быть жесткими и устойчивыми, прозрачными и подвижными, контекстуальными. Чем более гибким, подвижным, текучим становится пространство культуры, тем более ощущается необходимость рассуждать о культурной границе как о темпоральности культурных пространств.

Существуют определенные «правила» сборки сложного. Среди них — необходимая топология соединения структур, а также «попадание» их в один темпомир [17, с. 41–42]. Для того чтобы «сложилось» человеческое и культурное, в концепт культурной границы следует «ввести» фактор времени. На наш взгляд, это возможно через анализ антропологической ситуации «здесь и сейчас», в которой человек осуществляет выбор — пребывать внутри, пересечь или сместить границу. Только в первом случае у него есть возможность оставаться в границах культуры. В других — всегда речь идет о нарушении культурных границ. С какой целью — это всегда вопрос самоопределения человека и всегда — в границах культуры.

Литература:

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1970. — 504 с.
2. Аристотель. Физика // Собрание сочинений: В 4 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1981. — 620 с.
3. Каганский В. Л. Вопросы о пространстве маргинальности [Электронный ресурс] — <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/kagan.html>.
4. Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». — М.: Прогресс — традиция, 2011. — 496 с.
5. Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.
6. Sheldrake R. The Presence of the Past: Morphic Resonance and the Habits of Nature. L.: Collins, 1988. — 416 p.
7. Шелдрейк Р. Семь экспериментов, которые изменят мир. Самоучитель передовой науки / Пер. англ. А. Ростовцева — М.: ООО Издательский дом «София», 2004. — 432 с.
8. Калинин В.К. Границы в культуре и культура на границах // Журнал практической психологии и психоанализа. — 2008. — №1. — [Электронный ресурс]. — <https://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2833>.
9. Stonequist E. V. The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict. N. Y. : Russel & 19. Russel, 1961. — 230 p.

10. Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек // Общественные науки за рубежом. 11. Социология. — М., 1998. — № 2. — С. 172–173.

11. Хоружий С. С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки. — Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. — М., 2002. — С. 108–138.

12. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений, т. 1. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003 — 957 с.

13. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX — начала XX веков. — М., 2000. — С. 29–61.

14. Донникова И.А. Культурогенная сущности социальной самоорганизации. — Одесса: печатный дом. — 2011. — 280 с.

15. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. — М.: ИФРАН, 2010. — 271 с.

16. Морен Э. Метод. Природа Природы / Эдгар Морен; перевод и вступительная статья Е.Н. Князевой. — Изд. 2 — е, доп. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. — 488 с.

17. Князева Е.Н. Инновационная сложность: общая методология и способы организации когнитивных, коммуникативных, социальных систем // Инновационная сложность. — СПб.: Алетейя, 2016. — С. 38 — 100.

Мальченко В.В. Культурна межа в контексті складності. — Стаття.

Анотація. У статті розкривається антропологічний зміст концепту культурної межі в контексті складності. Обґрунтовується процесуальне розуміння культурної межі, яке розкриває темпоральність культурних просторів. порушається питання про співвідношення культурної межі та меж антропологічного.

Ключові слова: межа, культурна межа, складність, топологія, темпоральність, межі антропологічного.

Malchenko V.V. Cultural boundary in the context of complexity. — Article.

Summary. The article reveals the anthropological content of the concept of the cultural boundary in the context of complexity. The procedural understanding of the cultural boundary, which reveals the temporality of cultural spaces, is substantiated. The question about the relationship between the cultural boundary and the anthropological boundaries is raised.

Keywords: boundary, cultural boundary, complexity, topology, temporality, borders of anthropological.